



Colombina

Романы
о любви

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
«КОЛОМБИНА»:

САНДРА БРАУН

Цена любви
Дом, в котором нет тебя
Мужские капризы
Женские фантазии
Сладкая боль
Пламя страсти
Свадебный венок
От ненависти до любви
Ну и штучка!
Тайный брак
Роза прерий
Соппротивление бесполезно

ЭЛИЗАБЕТ ВЕРНЕР

Цветок счастья
У алтаря
Эгоист
Строптивая невеста
Влюбленная американка
Любовь дерзкого мальчишки
Фея Альп
Первые ласточки
Капризы юной леди

ДАНИЭЛА СТИЛ

Что было, что будет...
Возраст любви
Французские каникулы
Большая девочка
Голос сердца
Безудержная страсть
Проверка разлукой
Хочу «Оскар»!



ЭЛИЗАБЕТ ВЕРНЕР

Капризы
юной леди



МОСКВА
2016

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44
В35

Elisabeth Burstenbinder
SIEGWART

Перевод с немецкого *В. Зиновьева*

Художественное оформление *С. Власова*

Вернер, Элизабет.

В35 Капризы юной леди / Элизабет Вернер ; [пер. с нем. В. Е. Зиновьева]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 352 с. — (Colombina. Серия бестселлеров о любви).

ISBN 978-5-699-85652-7

Алиса, любимица отца и его единственная наследница, ни в чем не знает отказа. С юных лет она привыкла получать все, что пожелает. Достигнув совершеннолетия, Алиса решает непременно выйти замуж, но все кандидаты в женихи ей не по нраву. Любящий отец спешит утешить дочь и исполнить ее очередную прихоть. Но можно ли купить счастье?!

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-699-85652-7

© Зиновьев В., перевод
на русский язык, 2016
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

❧ Глава 1 ❧

По склону на фоне залитой солнцем горной вершины спускались два человека с альпенштоками и рюкзаками. Судя по внешнему виду, один из них был проводником. А веревка и ледоруб говорили о том, что мужчины только что совершили восхождение на гору. Но вот, оказавшись на зеленой лужайке, они решили отдохнуть.

— Эта дорога ведет на Грасекер-Альм, — заметил старший. — Ты ведь не пойдешь со мной на Вильдзее?

— Чтобы сделать крюк и потом топать по дороге еще два часа? Нет, благодарю покорно! — покачал головой его спутник. — С пяти утра я только и делал, что лазил по глетчерам и пропастям. Хоть на службе с нами не церемонятся, да и я не считался никогда слабаком, но мне далеко до тебя, Герман, с твоей богатырской силой.

— Я всего лишь выносливее тебя, — возразил Герман. — Итак, ты идешь прямо на Грасекер-Альм? А я спущусь по Энской долине.

— Но перед этим отдохнем. — Молодой человек опустился на мягкую траву. — Мы еще успе-

ем вовремя добраться до нашего «Палас-отеля». Почему тебе вздумалось остановиться в этой уединенной деревушке?

— «Господин архитектор Зигварт любит глушь», сказал мне вчера тот маленький турист, что собирался с нами на экскурсию, но потом побоялся опасности. И он совершенно прав. А отсюда ведь всего час пути до Интерлакена, где теперь сезон в полном разгаре.

Зигварт пожал плечами, лег на траву рядом со своим спутником и произнес:

— Да, в Интерлакене весной и летом любят отдыхать сливки общества, тебе этого мучительно недостает! Но я ведь не мешаю тебе, Адальберт, поспешить туда для флирта с англичанками и американками. Лично я остаюсь здесь. Я приехал сюда ради гор и намерен полностью насладиться ими.

— А я приехал сюда исключительно ради тебя! — сердито воскликнул Адальберт. — Мы с тобой не виделись целый год, пока ты учился в Италии, а теперь, когда ты наконец вернулся, меня, как на грех, переводят в Мец. Не приди мне в голову счастливая мысль попросить двухнедельный отпуск и поймать тебя в Швейцарии, мы бы так и не увиделись. В благодарность за это ты та-скаешь меня по всяким глетчерам и вершинам и заставляешь жить в невозможной обстановке. Вообще я считаю, что ты обращаешься со мной самым непозволительным образом!

— К чему поручик Гунтрам совсем не привык, — насмешливо возразил архитектор. —

Тебя ведь все балуют, один я осмеливаюсь перечить.

— Да, ты не упускаешь случая сделать это, и, как ни странно, я на тебя не сержусь, боюсь даже, что буду скучать без твоих нравоучений.

Адальберту Гунтраму, красивому, стройному юноше с темными волосами и лицом, сиявшим беспечностью юности, было примерно двадцать четыре года. Его костюм туриста, очевидно, был сшит лучшим портным, и, несмотря на штатскую одежду и непринужденную позу, в нем угадывался военный.

Его спутник, наоборот, не поражал элегантностью. Его костюм хранил следы непогод и далеких прогулок, а незаурядная внешность свидетельствовала о полном равнодушии к ней.

Высокая и сильная фигура Зигварта ясно указывала на его принадлежность к германской расе. На его загорелом энергичном лице выражалось непоколебимое сознание собственной силы. Он казался старше своих двадцати семи лет.

— Да, ты наделаешь довольно много глупостей, когда меня не будет с тобой, — сухо сказал он. — Что же касается моих спартанских наклонностей, то ты ведь знаешь, что они стали для меня необходимостью. Полученной премии мне хватало на год учебы в Италии, да еще мне удалось сэкономить небольшую сумму, чтобы на обратном пути провести недели две в Швейцарии. При таких скудных средствах нечего и думать о роскошных гостиницах в Интерлакене. Но ты, разумеется, можешь себе позволить подобное удовольствие!

— Я мог бы заплатить за нас обоих, — перебил его Адальберт. — Боже великий! На твоём челе снова собираются тучи! Как будто я оскорбил тебя, предложив на время стать моим гостем! Ведь в Берлине я не раз пользовался гостеприимством. Но как только я собираюсь ответить тебе взаимностью, ты становишься невыносимо грубым.

— Полно, Адальберт! Я очень рад, что ты приехал сюда, это прекрасный финал моего счастливого, незабываемого путешествия. А теперь надо снова приниматься за работу.

— В которую ты поспешишь окунуться с головой? Мне кажется, ты уже заранее радуешься ей. Ты такой же фанат в работе, как и мой отец. Его тоже приходится силой оттаскивать от письменного стола.

— С той лишь разницей, что мне так работать необходимо, а ему — нет.

— Со временем и ты достигнешь этого. Недаром же ты его лучший ученик, ведущий специалист в его строительной конторе.

— Если бы только он предоставлял мне больше самостоятельности! Надо же, наконец, и мне стать на собственные ноги, а об этом твой отец и слышать не хочет.

— Тебе не следует сердиться на него за это! — смеясь, воскликнул Адальберт. — Он совсем не может обходиться без тебя и старается удержать тебя во что бы то ни стало.

— Но ведь надо же мне, наконец, испытать собственные крылья, создать что-то самостоя-

тельное. В моих папках есть один проект, который я закончил незадолго до отъезда, он кое-что стоит и мог бы открыть мне широкую дорогу, но с чего начать? Художник посылает свою картину на выставку и как будто возвещает всему миру: «Вот что я в состоянии создать. Дайте мне возможность творить!» Но архитектор нуждается в заказах, а кто же доверит молодому, никому не известному человеку сооружение, стоящее больших денег? Тут требуются имя, репутация или в крайнем случае рекомендация. Твой отец мог бы дать ее, если бы захотел.

— Будь спокоен, он сделает это. Но в настоящее время он весь поглощен работой, он строит в Тиргартене новую виллу для коммерции советника фон Берндта и лично руководит строительством. Они ведь старые друзья.

— Это я знаю, но совершенно незнаком с планом. Ты писал мне, что Берндт приобрел себе участок на моей родине, совсем близко от Равенсберга. Что это ему вздумалось? Ведь это так далеко от Берлина!

Адальберт пожал плечами.

— Во-первых, это было коммерческим предприятием. Графенау шел с молотка, и Берндт надеялся извлечь из него доходы. Он приобрел имение почти за бесценок и хочет сделать из него свою летнюю дачу.

— Я знаю Графенау, это ближайшее соседнее имение, — сказал Герман. — Ты, кажется, был там в прошлом году?

— Да, Берндт приглашал нас. Мой отец хотел посмотреть замок, чтобы решить, как его перестроить. Это некрасивое старое здание, но папа думает, что из него можно кое-что сделать. Я провел в Графенау несколько великолепных недель. Там отличная охота, а кроме того, я нашел еще заколдованный замок со сказочной принцессой.

— Разумеется! Для тебя ведь любовные приключения — необходимость!

— Ну, на этот раз приключение было из самых невинных, так как вышеупомянутой особе было не более четырнадцати лет. Барон Гельфенштейн совершенно обанкротился со своим Графенау. Не будь у него капитанской пенсии, он вынужден был бы голодать вместе со своей маленькой внучкой. Но пенсии им едва хватает, чтобы прокормиться, и они живут в каком-то «Совином гнезде».

— В старом охотничьем домике? Да он ведь, наверное, совсем развалился?

— По крайней мере, у них над головой есть крыша, коммерции советник разрешил им оставаться в этом домике. Он пожалел старика, которому теперь нужен лишь клочок земли, где он мог бы спокойно умереть. Берндт оставил за стариком охотничий домик до самой его смерти. Я хотел поближе посмотреть на это «Совиное гнездо» и случайно познакомился с бароном и маленькой рыженькой Траудль.

— Маленькой рыженькой Траудль? Кто это?

— Да вышеупомянутая принцесса! Так ее называет дедушка. Это румяное, восхитительное

существо, для которого я стал желанным товарищем по играм. Почти ежедневно я заходил туда, мы бегали взапуски, ссорились и мирились, как дети. Как видишь, тут ничего особенного не было.

— Я давно не был на родине, — сказал Герман, поднимаясь с земли. — Но пора и в путь. Возьми с собой проводника, а я пойду один, теперь я сам найду дорогу.

Он свернул в сторону, и друг, оставшийся на лужайке, скоро потерял его из виду. Дорога шла через горы. Сверху на путника глядела снежная вершина, на которую он поднимался этим утром. Внизу громоздились утесы, обрывы и громады камней, между которыми виднелись узкие полосы зеленой травы. На одной из этих полос что-то шевелилось. Зигварт остановился и увидел пару серн, бесстрашно спускавшихся с вершины, они шли навстречу одинокому путнику. У Зигварта зашло сердце. В сыне лесника мгновенно проснулся инстинкт охотника.

Он с трудом оторвался от очаровательного зрелища и быстро пошел дальше. По расставленным кое-где дорожным указателям найти дорогу было нетрудно. Она привела путника к краю небольшой котловины, на дне которой сверкало маленькое альпийское озеро. Тут по откосу вилась только узенькая пешеходная тропинка. Спокойно и уверенно Герман спустился по откосу к маленькой лужайке на берегу озера и только теперь заметил, что он здесь не один. Шагах в двадцати от него, под

высокой, растрепанной бурями сосной, сидела дама с альбомом на коленях и рисовала. Герман слегка дотронулся до полей своей шляпы, она небрежно ответила на его поклон и спросила по-немецки, но с заметным английским акцентом:

— Вы знаете дорогу в Энскую долину? Она хорошая или нет?

Зигварт насмешливо улыбнулся — его, очевидно, принимали за проводника, это было видно по тону вопроса. Это заблуждение позабавило его, но он ответил не особенно вежливо:

— Дорога в долину крутая и опасная. Вам, во всяком случае, не дойти, необходим проводник.

— Не сейчас, после, — прервала дама, видимо, находя дальнейшие разговоры излишними и снова принимаясь рисовать.

Архитектор решил, что дело зашло слишком далеко, очевидно, она была уверена, что он явился в качестве проводника предлагать ей свои услуги, и потому заставляла его ждать. Решив дать хороший урок этой надменной англичанке, он подошел к ней, взглянул через ее плечо на рисунок и сказал по-английски:

— Вы неудачно выбрали место, ветки сосны закрывают от вас всю возвышенность.

Иностранка взглянула на него с изумлением.

— Вы говорите по-английски?

— Немного. Вы хотели сделать набросок утесов, так живописно замыкающих озеро, но вам это не удалось. Надо было рисовать их с той стороны,

откуда я пришел. Оттуда хорошо виден весь задний план.

Дама, по-видимому, начала понимать свою ошибку относительно мнимого проводника, но явно обиделась на то, что совершенно незнакомый человек осмеливается давать ей советы. Ее губы искривила надменная улыбка, и она сказала с нескрываеваемой иронией:

— Не желаете ли попытаться исправить мою ошибку?

— Если вы не против. Позвольте ваш альбом.

Зигварт спокойно взял из ее рук тетрадь и карандаш, прошел к указанному им самим месту и, открыв в альбоме чистый лист, начал набрасывать новый эскиз. Незнакомка удивилась, что ее так неожиданно поймали на слове, но молчала, не зная, как отнестись к этому человеку. Он говорит по-английски, следовательно, образован, но его костюм далеко не подтверждал этого. Грубые горные башмаки, потертая куртка, помятая поярковая шляпа, все это было «shocking»¹ в глазах знатной англичанки. И в то же время она видела энергичный профиль, высокий лоб и орлиные глаза, он не был красив, но вся его внешность чрезвычайно впечатляла.

Зигварт отлично видел, что стал предметом внимательного изучения, но не обращал на это ни

¹ Shocking (англ.) — неприлично, скандально. (Прим. ред.)

малейшего внимания, набрасывая эскиз быстрыми уверенными штрихами. Около десяти минут прошло в полнейшем молчании, потом он вернулся к англичанке и вручил ей альбом.

Это был лишь беглый набросок, но озеро, окружавшие его утесы и сосны на берегу были схвачены так умело и точно, что в рисунке сразу угадывалась рука профессионала. Незнакомка заметила это с первого взгляда и быстро спросила:

— Вы художник?

— Нет, но я учился рисованию.

Дама почувствовала в этих словах насмешку над своим дилетантским рисунком, но промолчала и, закрыв альбом, проговорила холодным тоном:

— Я оставила свою лошадь с проводником на Грасекер-Альме, присутствие подобных людей всегда невероятно стесняет меня.

— Да, бывает неприятно встретить людей там, где хотелось бы побыть одному, — произнес Герман. — Но ведь подобные места невозможно монополизировать, и потому с этим приходится мириться.

Тут он впервые взглянул в лицо знакомке. Это была девушка лет двадцати, стройная и видная, с правильным бледным лицом и темными глазами, составлявшими своеобразный контраст с пепельно-белокурыми волосами. Ее взгляд и вся фигура выражали спокойную и холодную уверенность в себе. По-видимому, она уже давно привыкла смотреть на всех людей свысока. На ней

были серый дорожный костюм и фетровая шляпа с синей вуалью, но на лежавшей рядом кофточке, которую она сняла, подкладка была из толстого белого атласа, брошенные тут же перчатки — из тончайшей шведской кожи, а на правой руке девушки блестело дорогое кольцо.

Зигварт заметил все это. Он положил свой мешок на траву и сел, не замечая устремленного на него удивленного взгляда. Для девушки, по-видимому, было совершенно непривычно, что кто-то мог не восхищаться ее обществом. Но Зигварт, казалось, и не думал продолжать разговор, он молча разглядывал расстилавшийся перед ним ландшафт.

Было начало июня, что в горах считается еще весной. Но здесь весна не наполнялась ликующими песнями птиц, не несла с собой благоухания и красоты распускающихся цветов. Здесь уже чувствовалась близость снеговых вершин. Задумчиво и неподвижно стояли гранитные скалы, серой стеной окружавшие озеро, мрачными казались зеленые ели, птицы не порхали в ветвях, рыба не играла на поверхности озера. Ропот пенистого горного потока, падавшего с утеса и исчезавшего в пропасти, был единственным звуком, нарушавшим безмолвие этого величавого уединения.

Однако веяние весны чувствовалось даже здесь. Высоко в небе неслись белые весенние облака, на елях виднелись светлые молодые побеги, а на маленьких лужайках всюду синели генцианы. У бере-